
Старый Компас
RAVENWOOD
Лето в тумане Рейвенвуда
Автор: Ночной Сухарик

Ночной Сухарик

Лето в тумане Рейвенвуда

«Автор»
2026

Сухарик Н.

Лето в тумане Рейвенвуда / Н. Сухарик — «Автор», 2026

Для тринадцатилетних близнецов Хлои и Ноа Пайн это лето должно было стать самой скучной ссылкой в их жизни. Вместо пляжей солнечной Калифорнии — глухой, утопающий в вечном тумане городок Рейвенвуд в штате Орегон, где интернет ловит только на крыше водонапорной башни, а эксцентричная тётя Марта держит скрипучую лавку древностей «Старый Компас» и строго-настрого запрещает спускаться в подвал.Поначалу всё кажется обычными провинциальными байками: застывшие тридцать лет назад часы на ратуше, заброшенные серебряные шахты и страшилки новых друзей о призраках в ельнике. Рейвенвуд — не простой городок на карте. Это место, где граница между привычным миром и пугающей изнанкой реальности истончилась до предела. Каждая страница Дневника открывает новую тайну: в тумане прячутся существа, говорящие голосами близких, под озером дремлет древний Разлом, а за заветной книгой уже охотятся те, кто готов разрушить город ради власти над потусторонним.

© Сухарик Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ночь, когда остановились часы на ратуше 5
Глава 1. Билет в один конец до конца света 6
Гл 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Ночной Сухарик
Лето в тумане Рейвенвуда

Пролог. Ночь, когда остановились часы на ратуше

Июль 1994 года. Рейвенвуд, штат Орегон.

В ту ночь дождь над Рейвенвудом лил не сверху вниз, а будто из-под земли — тёплый, тяжёлый, пахнущий мокрым железом и старой хвоей.

В подвале старого лесного дома на окраине городка, заваленном чертежами, медными катушками и банками с фосфоресцирующей жидкостью, горела только одна настольная лампа. Мужчина лет сорока в заляпанном сажей лабораторном халате и круглых очках с треснувшим левым стеклом лихорадочно перелистывал толстую книгу в тёмно-бордовом кожаном переплёте. Его пальцы, испачканные синими чернилами и свежими ожогами, дрожали так сильно, что он едва удерживал перьевую ручку.

— Почти готово… ещё три минуты, — шептал он себе под нос, выводя на последней странице сложный геометрический узор, похожий на компас с семью стрелками. — Если я успею замкнуть контур до полуночи, Разлом под озером снова затянется. Никто в городе даже не узнает, насколько близко мы подошли к краю…

Наверху, над потолком подвала, с грохотом распахнулась входная дверь.

Тяжёлые шаги прогрохотали по деревянным половицам прихожей. Но это были не шаги шерифа или кого-то из соседей — половина ступала слишком медленно, волоча за собой что-то тяжёлое, а воздух в доме за одну секунду стал ледяным, как в морозильной камере.

Мужчина в подвале замер. Медленно поднял голову к потолку, сглотнув ком в горле.

— Нет, — выдохнул он. — Слишком рано. До полуночи ещё семь минут…

Тяжёлая дубовая дверь подвала затрещала под чудовищным ударом извне. Железные петли завыли, вырываясь из косяка. Учёный не стал хвататься за ружьё, прислонённое к стеллажу — он знал, что против *этого* свинец бесполезен. Вместо этого он сорвал со стола бордовую книгу, сунул её в жестяной ящик с резиновым уплотнителем, захлопнул крышку и швырнул ящик в узкий вентиляционный лаз, ведущий наружу, в корни старого дуба за домом.

Когда дубовая дверь подвала разлетелась в щепки и в проёме возникла высокая фигура в старом шахтёрском плаще, под капюшоном которой вместо лица горел холодный голубой свет, в подвале уже никого не было — только одинокая настольная лампа раскачивалась под потолком, да ровно в 23:53 со звоном лопнула пружина в больших башенных часах на городской ратуше Рейвенвуда.

С той ночи в городке больше никто не вспоминал пропавшего чудака-исследователя. А заросший дом на окраине через пару лет выкупила приезжая женщина с громким смехом и страстью к дешёвым сувенирам.

Глава 1. Билет в один конец до конца света

— Хлоя, если ты сейчас же не вылезешь из ванны, я засуну твой чемодан в багажник без твоих вещей, и всё лето ты проходишь в моих старых футболках! — голос Ноа донёсся из-за закрытой двери так громко, что, кажется, его услышали даже соседи через дорогу.

Я высунула голову из-за шторки для душа, сжимая в руке зубную щётку, и закатила глаза:

— Во-первых, твои футболки пахнут старыми учебниками по физике, пылью и кукурузными чипсами. Во-вторых, до выезда ещё целых сорок минут! Неужели ты правда так торопишься в дыру, где даже нормального сигнала сотовой связи нет?

— Там есть кое-что получше связи, Хлоя. Там есть тишина и ни одного твоего музыкального плейлиста на полную громкость в семь утра!

Через пять минут я уже спускалась по скрипучей деревянной лестнице нашего уютного двухэтажного дома в пригороде Сан-Диего, волоча за собой ярко-жёлтый чемодан, обклеенный наклейками с рок-группами, инопланетянами и котами. В прихожей царила привычная преддорожная суета: мама в пятый раз пересчитывала наши билеты на междугородний автобус «Грейхаунд», папа пытался утрамбовать в рюкзак Ноа огромную коробку с его любимыми комиксами, лупой и настольными играми, а сам Ноа стоял у зеркала, сосредоточенно поправляя очки в тонкой чёрной оправе.

Нам обоим исполнилось тринадцать всего два месяца назад. Мы были близнецами, но любой, кто видел нас впервые, ни за что бы в это не поверил. Я — вечно растрёпанная, с длинными тёмно-рыжими волнистыми волосами, россыпью веснушек на носу и ободранными после скейта коленками. Ноа — на полголовы выше меня, худощавый, с вечно растрёпанными тёмными прядями, падающими на лоб, и задумчивым взглядом человека, который в уме решает сложные уравнения, пока остальные выбирают, какое мороженое купить.

— Так, слушайте оба внимательно, — папа присел на корточки перед нашими чемоданами, глядя на нас с тем самым серьёзным видом, с каким обычно отчитывал нас за разбитое мячом окно в гараже. — У нас с мамой командировка в Токио на два месяца. Отказаться нельзя — этот архитектурный проект решает всё на ближайшие пять лет. А тётя Марта… ну, она, конечно, женщина своеобразная и любит приврать ради красного словца, но она моя старшая сестра, и душа у неё золотая. Поживёте в Рейвенвуде до августа, подышите горным воздухом, отдохнёте от телефонов.

— И не вздумайте доводить её своими розыгрышами, Хлоя, — строго добавила мама, обнимая меня за плечи и целуя в макушку. — Помогайте по дому, не уходите далеко в лес одни и звоните каждый вечер ровно в восемь.

— Обещаем! — хором ответили мы с Ноа, хотя я прекрасно знала, что обещание насчёт леса продержится ровно до первого интересного следа на тропе.

Честно говоря, в тот момент я и сама не знала, чего ждать от этого лета. В солнечном Сан-Диего оставались мои подруги, тёплый океан, ночные кинотеатры под открытым небом и привычная жизнь обычной семиклассницы. А впереди ждали почти сутки в тряском междугороднем автобусе через полстраны — на самый север, в глухой горный городок Рейвенвуд в штате Орегон, где, по словам Ноа, на три тысячи жителей приходилось пять тысяч сосен и одна полуразрушенная лесопилка.

Дорога тянулась бесконечно. Сначала за окном автобуса мелькали выжженные солнцем холмы Калифорнии, потом пейзаж сменился густыми зелёными долинами, а ближе к вечеру следующего дня шоссе полезло вверх, петляя между крутыми скалами и стенами вековых хвойных лесов. Небо незаметно затянуло низкими серыми облаками, и стекло автобуса покрылось мелкими каплями моросящего дождя.

Автобус высадил нас ближе к пяти часам вечера на пустой обочине у ржавого почтового ящика, выдохнул облако сизого дыма и с тяжёлым рыком умчался дальше по горному шоссе, оставив посреди бесконечных сосен только два чемодана, рюкзаки и нас с Ноа.

После жаркой Калифорнии воздух здесь показался почти ледяным — свежим, влажным, густо пахнущим мокрой хвоей, озоном и холодным речным камнем. Вокруг стояла такая глубокая, звенящая тишина, что было слышно, как высоко в кронах огромных секвой скрипят ветки и хрипло каркает ворон.

— Добро пожаловать в край лесорубов, туманов и голодных комаров, — вздохнула я, поправляя лямку рюкзака и разглядывая облупившийся деревянный щит у обочины: *«Рейвенвуд. Основан в 1887 году. Население: 2 840 человек»*.

Ноа уже успел достать из кармана свой маленький блокнот в клетку и с неподдельным интересом оглядывался по сторонам:

— Смотри, Хлоя, у них даже вышка сотовой связи старая, аналоговая. А вон там, над верхушками деревьев, видишь? Старая водонапорная башня с названием города. Настоящий заповедник прошлого века!

Я вытащила из кармана красной ветровки старый «Полароид», который выпросила у мамы перед отъездом, навела объектив на туманную стену сосен и водонапорную башню вдали и нажала на кнопку. Фотоаппарат тихо зажужжал, выплюнув белый квадрат снимка. Я сунула карточку в карман, чтобы проявилась в тепле, но сделать и десяти шагов по гравийной дорожке мы не успели.

Из-за поворота с громким тарахтением выехал побитый жизнью пикап цвета засохшей горчицы. Машина затормозила прямо у наших ног, подняв облако пыли и сухих иголок, дверца со скрипом распахнулась, и наружу выбралась женщина лет пятидесяти в просторном вязаном свитере, джинсах и с копной кудрявых седых волос, перехваченных красной банданой. На переносице у неё сидели круглые очки в тонкой оправе.

— Ага! Вот они, калифорнийские цветочки! — прогремела тётя Марта так громко, что с ближайшей ели с испуганным криком сорвалась стайка птиц. Она сгребла нас обоих в охапку одновременно — от неё пахло мятными леденцами, старым деревом и кофе с корицей. — Вылитые мой братец в тринадцать лет! Только бледные какие-то, будто вас в шкафу держали. Ничего, на горном воздухе быстро порозовеете. Закидывайте чемоданы в кузов и прыгайте в кабину, у меня в лавке как раз новая партия сувениров приехала, надо к утру разложить!

По дороге в городок тётя Марта не замолкала ни на секунду. Она вела пикап одной рукой, другой активно жестикулировала, показывая нам местные достопримечательности: старую пожарную каланчу с застывшими часами («Сломались ещё в девяностых, а чинить никому неохота, в Рейвенвуде время всё равно никуда не торопится»), закусочную «У Бетти» с огромным пластиковым пирогом на крыше («Лучший вишнёвый пирог в округе, если не считать того, что пеку я») и деревянный мост через бурную горную речку.

Сам Рейвенвуд оказался маленьким, уютным и немного сонным городком. Деревянные тротуары вдоль главной улицы, магазинчик рыболовных снастей, старая библиотека из красного кирпича, цветочные ящики на подоконниках и редкие прохожие, которые приветливо махали рукой тёте Марте. Ничего пугающего или зловещего вокруг не было — самый обычный провинциальный городок, разве что белый туман с гор спускался в лощину подозрительно рано, уже к вечеру окутывая верхушки деревьев мягкой дымкой.

Дом тёти Марты стоял на самой окраине Рейвенвуда, там, где асфальт заканчивался и начиналась широкая лесная тропа. Это был большой, скрипучий двухэтажный особняк с остроконечной крышей, резным крыльцом, тёплым светом старинных фонарей у входа и красивой деревянной вывеской над дверью: **«Лавка Древностей и Диковинок „Старый Компас“»**.

Внутри пахло пылью, лаком для дерева, воском и чем-то неуловимо загадочным. На деревянных стеллажах теснились старинные медные компасы, заспиртованные в банках ящерицы,

ржавые шахтёрские кирки, резные деревянные маски, кривые зеркала в тяжёлых рамах и смешные плюшевые «снежные люди» в клетчатых рубашках, которых тётя Марта продавала заезжим туристам по пятнадцать долларов за штуку.

— Вот тут будете помогать мне с утра до обеда, — с гордостью объявила тётя, обводя рукой своё царство. — Ноа будет следить за кассой, ценниками и старыми книгами — у него, я смотрю, голова светлая. А ты, Хлоя, займёшься витринами и рекламой. Ваша комната наверху, на чердаке. И, ребятки… — она на секунду задержала взгляд на двери в дальнем конце коридора, запертой на большой навесной замок, и тут же снова широко улыбнулась: — В подвал не спускайтесь, там сыро и проводка старая, током шарахнет — мало не покажется. А после ужина можете прогуляться по городку, познакомиться с местными ребятами.

Чердак оказался настоящей мечтой любого подростка: просторный, с тёплыми деревянными балками под самой крышей, двумя уютными кроватями, мягким пёстрым ковром и огромным круглым окном, из которого открывался вид на бесконечное море тёмно-зелёных сосен и туманную гряду гор.

Разобрав вещи и поужинав потрясающими тётиными вафлями с черничным сиропом, мы с Ноа решили пройтись до закусочной в центре, чтобы осмотреться и заодно поймать хоть какой-нибудь сигнал сети.

Возле закусочной «У Бетти» на деревянном крыльце сидели двое местных подростков примерно нашего возраста: паренёк в тёмной футболке с принтом, кепке козырьком назад и с большими наушниками на шее, который увлечённо крутил в руках карманный ножик, и девчонка в бордовой вязаной шапке, чёрном чокере и с фиолетовыми прядями, выбивающимися из-под шапки, уткнувшаяся в толстую книгу о местной геологии.

— О, свежая кровь! — ухмыльнулся паренёк в кепке, заметив нас с Ноа, и спрыгнул с крыльца. — Вы, должно быть, племянники тёти Марты? Весь город с обеда только и говорит, что в «Старый Компас» приехали двое городских из Калифорнии. Я Тоби. А это моя кузина — Мэй.

— Привет, — я улыбнулась, сразу почувствовав, что скучать этим летом точно не придётся. — Я Хлоя, а это мой брат Ноа. У вас тут правда всегда такой туман?

— Только после заката, — пожал плечами Тоби и вдруг понизил голос, оглянувшись на тёмную стену леса за дорогой. — И вообще, новичкам лучше не гулять по лесной тропе за домом вашей тёти после темноты. Местные говорят, что там до сих пор бродят призраки старой шахты Блэк-Рок… и иногда в тумане слышны странные шаги, хотя никого рядом нет.

— Ага, а ещё там живёт трёхглазый олень и человек-мотылёк, — фыркнула Мэй, не отрываясь от своей книги, но в уголках её губ мелькнула лёгкая усмешка. — Не слушай его, Хлоя, Тоби просто обожает пугать приезжих. Хотя… в старых городских хрониках действительно записано, что тридцать лет назад в Рейвенвуде пропал один исследователь, а башенные часы остановились в ту же самую ночь.

Мы проболтали на крыльце закусочной почти до темноты. Тоби травил местные байки и рассказывал, где в округе лучшие места для катания на велосипедах, Мэй и Ноа тут же нашли общий язык, споря о минералах и старых серебряных шахтах, а я просто наслаждалась прохладным горным воздухом и ощущением, что это лето может оказаться куда интереснее калифорнийского пляжа.

Возвращались в «Старый Компас» мы уже в густых сумерках. Тётя Марта смотрела в гостиной старый чёрно-белый вестерн по телевизору, громко комментируя действия шерифа на экране. Пожелав ей спокойной ночи, мы поднялись к себе на чердак.

Ноа почти сразу завалился спать, устав после долгой дороги, а я ещё долго сидела на подоконнике у круглого окна, разглядывая медленно ползущий между соснами белый туман и вытащив из кармана ветровки проявленный снимок с «Полароида». Снимок получился отличным — туманный лес, башня *Ravenwood*на фоне облаков и старый деревянный столб у дороги.

Правда, на самом краю кадра, в густой тени между стволами сосен, темнело какое-то странное размытое пятно, похожее на высокий силуэт в плаще — наверное, просто ветка качнулась от ветра.

Я уже собиралась задернуть штору и лечь в кровать, когда мой взгляд зацепился за старый, поваленный грозой дуб на самой кромке леса в тридцати ярдах от дома.

Под его вывороченными корнями, среди мокрых папоротников, что-то тускло блеснуло в свете уличного фонаря — ровным, металлическим отблеском, совершенно не похожим на мокрую кору или камень.

Я прищурилась, нахмурилась и подумала, что завтра днём, сразу после работы в лавке, обязательно позову Ноа, Тоби и Мэй сходить туда посмотреть, что там блестит в корнях. В конце концов, в таком тихом месте, как Рейвенвуд, любое маленькое приключение — уже отличный подарок на каникулы.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.